

Се Юньшэнь, держа Линь Яня за руку, ввел его в жилище, о котором тот не мог и мечтать.

Это были не золоченые дворцовые палаты, а изысканные апартаменты на верхнем этаже. За огромными панорамными окнами раскинулась ночная панорама города, напоминающая опрокинутый Млечный путь, но внутри царили спокойные тона: светло-серый, кремовый и цвет натурального дерева. Лаконичные линии, безупречный стиль и каждая деталь, выдающая сдержанную роскошь и утонченный вкус. В воздухе витал тонкий, приятный аромат, напоминающий смесь кедра и холодного книжного чернила — точно такой же, как от самого Се Юньшэня.

Чувствуя себя чужим в этой обстановке, Линь Янь невольно поджал испачканные грязью пальцы ног и растерянно замер.

— Отныне это твой дом, — раздался над головой мягкий голос Се Юньшэня.

Он отпустил руку Линь Яня и, ничуть не смутившись его неопрятным видом, обернулся к возникшему из ниоткуда, словно тень, мужчине средних лет:

— Дядя Чжоу, проводи его в гостевую комнату, помоги привести себя в порядок и приготовь что-нибудь легкое на ужин.

Дядя Чжоу, как назвал его хозяин, с почтительным выражением лица, в котором не было ни капли удивления, слегка поклонился Линь Яню:

— Маленький господин, прошу за мной.

Маленький господин? Это обращение застало Линь Яня врасплох, и он инстинктивно посмотрел на Се Юньшэня.

Тот, опустив взгляд, неторопливо протирал белоснежным платком пальцы, за которые только что держал парня; его движения были грациозны, словно у художника. Почувствовав на себе взгляд, он поднял глаза, и на его губах заиграла успокаивающая улыбка:

— Иди. Если что-то понадобится, скажи дяде Чжоу.

Эта улыбка обладала такой силой, что способна была развеять любую тревогу. Линь Янь прикусил губу и послушно пошел следом за управляющим.

Ванная комната при гостевой оказалась невероятно просторной. Теплые струи воды из душа смывали грязь, усталость и запах крови. Стоя в облаке пара, Линь Янь с легким оцепенением разглядывал синяки и ссадины на своем теле. Мягкий халат, пушистые полотенца — все здесь было новым и комфортным, разительно отличаясь от прежней суровой жизни.

Когда он, вымытый и облаченный в слишком большой для него халат, вышел из ванной, дядя Чжоу уже приготовил теплый напиток и изысканные закуски.

— Господин велел передать: так как вы ранены, на ночь лучше съесть что-то легкое, — вежливо произнес управляющий.

Линь Янь действительно проголодался, но не спешил приступать к еде. Поколебавшись, он тихо спросил:

— А... господин Се?

— Господин в кабинете, занят делами, — ответил дядя Чжоу. — Можете отдохнуть сразу после еды.

Линь Янь опустил голову и принялся маленькими глотками пить молоко. Теплая жидкость, согревая горло и желудок, странным образом успокаивала натянутые до предела нервы. Его уложили в огромную, мягкую, словно облако, кровать, и крайняя усталость быстро взяла верх над остатками тревоги, погрузив его в глубокий сон.

В ту ночь он впервые за долгое время не проснулся от кошмаров.

На следующее утро Линь Янь проснулся в лучах теплого солнца. Потребовалось время, чтобы вспомнить, где он находится.

Раздался легкий стук в дверь, и вошел дядя Чжоу с комплектом новой одежды — от белья до верхней одежды, все подобрано по размеру и из мягчайшей ткани.

— Господин велел подобрать вещи, оценив ваш рост и телосложение. Примерьте, должно быть впору.

Линь Янь переоделся, и одежда села идеально. Мягкий хлопок приятно прилегал к коже, и к этому комфорту он еще не успел привыкнуть.

Выйдя из комнаты, он с некоторой нерешительностью бродил по огромным апартаментам, разыскивая Се Юньшэня. Наконец он нашел его в небольшой гостиной у панорамного окна.

Се Юньшэнь в простом белом джемпере и серых брюках сидел в утреннем свете, изучая финансовые графики на планшете. Солнечные лучи подчеркивали четкий профиль его лица, смягчая присущую ему отстраненность и делая похожим на сосредоточенного, безбидного ученого.

Услышав шаги, он поднял голову. Увидев Линь Яня в новой одежде с растрепанными волосами,

он на мгновение смягчился.

— Выспался? — он отложил планшет и поманил Линь Яня рукой. — Иди завтракать.

На столе уже ждали рисовая каша и изящные закуски. Линь Янь подошел и сел на указанное место, все еще чувствуя себя скованно.

— Раны на лице нужно обработать снова, — сказал Се Юньшэнь и совершенно естественно взял подготовленную аптечку. Раскрыв упаковку с йодовым тампоном, он мягко наклонился к парню.

Расстояние сократилось, и Линь Янь отчетливо увидел длинные ресницы Се Юньшэня и тонкие голубоватые вены под его бледной кожей. Холодный аромат снова окутал его. Когда йод коснулся раны, Линь Янь невольно вздрогнул от легкого жжения.

— Потерпи, сейчас пройдет, — голос Се Юньшэня раздался совсем близко, его дыхание едва касалось виска, обладая магической силой успокоения.

Линь Янь застыл, боясь пошевелиться, а сердце пропустило несколько ударов. О нем никогда прежде не заботились с такой тщательностью. Это чувство было непривычным, но... совсем не неприятным.

Закончив, Се Юньшэнь внимательно осмотрел его лицо, кончиками пальцев поправил край пластыря на виске и произнес с ноткой снисходительной нежности:

— Наш Янь-Янь такой красавец, будет жаль, если на лице останутся шрамы.

Его тон был таким интимным и естественным, будто он называл его Янь-Янем тысячи раз.

Уши Линь Яня покраснели. Он опустил голову и, зачерпнув ложку каши, пробормотал что-то невнятное в ответ. Тот дикий, яростный зверек, что жил у него внутри, в этой плотной колыбели нежности, казалось, перестал скалиться, свернулся клубком и довольно замурлыкал.

После завтрака Се Юньшэнь не стал расспрашивать о прошлом, лишь мягко сказал:

— Все, что было раньше, осталось позади. Здесь ты можешь начать заново. О чем бы ты ни мечтал, что бы тебе ни понадобилось — просто скажи мне.

Он не давил, не пытался выведать секретов, лишь предложил надежную защиту и самое великодушное обещание.

Линь Янь посмотрел на светлое небо за окном, а затем на Се Юньшэня с его мягким взглядом и легкой улыбкой. Впервые он подумал, что быть подобранным, возможно, не так уж и плохо. Он, маленький волчонок, слишком долго скаливший зубы в глуши, кажется, наконец нашел логово, где можно без опаски свернуться калачиком и зализать раны.

Но он не знал, что, пока он склонился над тарелкой, Се Юньшэнь смотрел на его послушную макушку, и в глубине его темных, как бездна, глаз бурлило глубокое и властное чувство собственности.

Приручение началось. Самым нежным способом он плел самую прочную сеть.

<http://bllate.org/book/18641/1795285>